

УДК 821.161.1-43

Е. А. Макарова

Томск, Россия

СЮЖЕТ О ПЕРЕСЕЛЕНЦАХ В ТВОРЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ Н. С. ЛЕСКОВА

Рассматривается сюжет о переселенцах и создание образа Сибири, формирующиеся в творческой системе Лескова на протяжении всего периода творчества. Сам по себе материал ведет к соединению документального и художественного начал, что становится главной особенностью поэтики писателя, тяготеющего на протяжении всего творческого пути к малым литературным формам и промежуточным жанрам: рассказу, очерку, статье. Фактический материал в итоге не только художественно обрабатывается, но и публицистически осмысливается, доходя до уровня глубоких обобщений.

Ключевые слова: дискурс о переселенцах, образ Сибири, документальное и вымышленное, рассказ, очерк.

Образ Сибири – понятие широкое даже в географическом отношении, поэтому в его понимание входили все те земли, которые простирались до и за Уралом. В своем позднем рассказе-очерке «Сибирские картинки XVIII века» Лесков подчеркивал, что «Сибирская епархия в XVIII веке обнимала собою все пространство от Уральского хребта до Берингова пролива и от Ледовитого океана до северной границы Китая и степей, где кочуют киргизы. Вдоль епархия простиралась на десять тысяч верст, а поперек – более чем на три с половиною тысячи» [1, с. 150]. Сама колонизаторская деятельность подразумевала неопределенность границ страны. И если помнить, что западноевропейские державы покоряли заморские территории, оставаясь сами в более или менее неизменном географическом пространстве, то Россия постоянно смещала свое местоположение за счет захвата смежных земель. Вдоль епархия простиралась на десять тысяч верст, а поперек – более чем на три с половиною тысячи.

Сибирь, как правило, ассоциировалась в сознании европейца с местом ссылки и каторги; родиной не испорченных европейской цивилизацией народов; малоизвестной и ментально не освоенной русским крестьянином территорией, особенно притягательной в связи со слухами об обилии земель и наличии государственной помощи желающим на ней поселиться; провинцией с активно формирующимся национальным самосознанием. Не случайно урало-сибирский регион в последней

Макарова Елена Антониновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета (пр. Ленина, 36. Томск, 634050, Россия; elena_mak2004@mail.ru; +7 906 948 75 24)

Сюжетология и сюжетография. 2014. № 2. С. 74–81.
© Е. А. Макарова, 2014

трети XIX в. начинает рассматриваться как многоземельная, активно осваиваемая территория. А при условии проведения в ней либерально-реформаторских преобразований, строительства железной дороги, рациональной организации переселенческого движения, развития образования земля эта, по мысли многих исследователей, способна была превратиться из «страны изгнания» и «царства чиновничьего произвола» в процветающий край.

Закономерно, что при таком ракурсе восприятия, урало-сибирский хронотоп предельно актуализируется и для русской литературы XIX в. как принципиальное географическое, натуралистически-антропологическое пространство России, то конкретное место, где явлена самостоятельная сфера человеческого бытия, сложная, противоречивая и настоятельно требующая глубокого осмысления. С точки зрения фронтальной ситуации, пространство это все больше приобретало черты подвижной зоны закрепления и освоения, зоны, которая не столько разделяла, сколько сближала внутреннее и внешнее пространство.

Сама колонизация во многом была направлена на снятие, перенесение границы между уже освоенным и осваиваемым пространствами, на преодоление культурной дистанции. Не случайно в поле внимания литературы центра и региона находилась проблема русских переселенцев, так как российский колонизационный дискурс уже с середины XIX в. осложнился пересечением понятий «переселение» и «колонизация». По убеждению Н. М. Ядринцева [2], в результате колонизации русских окраин сложился новый социокультурный мир, который был свободен, не замкнут в себе, который постоянно принимал приток нового населения переселенцев и ссыльных, во многом изменяющих нравы.

Таким образом, дискурс о переселенчестве, сформировавшийся в последней трети XIX в., обнаруживал свою несомненную широту и самостоятельность. Данная проблема начала ассимилироваться с вечными национальными концептами странничества, бродяжничества, пути. Она оказалась важной и для жанра этнографического очерка, одним из излюбленных персонажей которого стал бродяга, беглый каторжник, переселенец-скиталец. Эти явления, по утверждению И. П. Смирнова, «толкали науку и литературу к идеализации номадизма, выразившейся в сочувственном исследовании Ядринцевым кочевых этносов. Несомненная связь прослеживается в этом плане с дальнейшей теорией Веселовского о «бродячих мотивах» и бахтинской идеей «внеаходимости автора»» [3, с. 207]. Такого рода явления всегда учитывались и обсуждались, пусть с несходными оценками, большими писателями русской литературы.

В итоге несомненным для последней трети XIX в. становится явное нарастание взаимоотяготения культурных импульсов столицы и региона в подходе к общим проблемам. Очевидное движение от художественного письма к публицистическому в творчестве позднего Н. С. Лескова, В. Г. Короленко, Г. И. Успенского, А. П. Чехова происходило, во многом, за счет принципиального открытия и осмысления пространства Урала и Сибири. В региональной же литературе, напротив, намечается художественное осмысление проблем, отработанных в публицистическом, историческом, статистическом аспектах. О прямой взаимосвязи этих культурных потоков говорить сложно, но несомненно, что подлинные открытия в региональной литературе происходили в большом пространстве русской культуры.

Одним из первых русско-европейских писателей, обративших внимание на проблему переселенчества в означенный период, стал Н. С. Лесков, который пришел в литературу в начале 1860-х гг. и сразу начал сотрудничать с различными периодическими изданиями, печатая статьи на злобу дня: «О рабочем классе» (журнал «Современная медицина»), «Несколько слов об ищущих коммерческих мест в России (газета «Указатель экономический»), «О наемной зависимости»

(газета «Русская речь») и др. Одними из первых в этом ряду стали и статьи по переселенческому вопросу: «О переселенных крестьянах» (журнал «Век», 1861 г., № 14–19, за подписью «Николай Понукалов»), «О русском расселении и о Политико-экономическом комитете» (опубликовано в журнале М. и Ф. Достоевских «Время» в декабре 1861 г. за подписью «Н. Лесков»).

Как видим, эти статьи создавались уже по следам свершившейся крестьянской реформы. Вскоре после опубликования Манифеста 19 февраля 1861 г. были обнародованы «Положения», которыми предусматривались конкретные меры по переходу разных категорий крестьян в свободное состояние, т. е. формы их «развязки с помещиками». И Лесков, безусловно, верит в избавленного от крепостной зависимости мужика. Смысла реформ он не отрицает, но сразу переходит в своих рассуждениях на уровень конкретного человека, как это происходит в статье «О переселенных крестьянах».

Писателя интересует не крестьянин вообще, но мужик совершенно реальный, которого «помещик Кондратьев» переселил из губернии в губернию, а вернуться домой ему нельзя даже после освобождения. Причем происходит это не по вине «плохого» помещика, а потому, что мир не принимает мужика на старое место: земля разобрана, время не повернуть вспять. В итоге крестьянину уже нет места на родной земле. Непосредственным поводом для написания статьи явилось положение «О порядке надела землею крестьян, записанных по ревизии в имении одного помещика и водворенных в имение другого», высочайше утвержденное 17 июля 1861 г. Но Лесков сразу улавливает некое противоречие в законе, в котором «крестьяне *разных помещиков*, переселенные из одного имения в другое, имеют больше прав, чем такие же крестьяне *одного и того же помещика*. «На чем тогда основано различие?» – резонно вопрошает он, и сам же делает вывод: «Вопрос остается нерешенным, потому что несправедливое разрешение вопроса не уничтожается» [4, с. 54–55].

В основу статьи «О русском расселении и Политико-экономическом комитете» положено выступление Лескова на заседании комитета от 1 апреля 1861 г. Детализируя в данном тексте свои доводы в пользу коммерческого способа переселения и необходимости посылки «ходовков», автор дает красочные зарисовки передвижения крестьян на новые земли, в котором он сам принимал участие, будучи на службе у своего дальнего родственника А. Я. Шкота. В 1857 г. он «сводил» мужиков Орловской и Курской губерний в степи Заволжья и Жигули. Один из таких эпизодов позднее ляжет в основу его рассказа-очерка «Продукт природы». Подчеркивая критическую ценность материала, редакция «Времени» снабдила его следующим примечанием: «С удовольствием помещаем статью эту. Вопрос о колонизации в России так важен, что чем больше будут писать нам люди бывалые и знающие предмет, тем лучше» [4, с. 324].

В статье продолжается разработка вопроса о переселенцах, в частности, обсуждается выдвинутая писателем мысль о необходимости «ходовков» на места расселения крестьян, которая не нашла одобрения в комитете, посчитавшем, что есть более современные и оперативные средства, например, «хорошие книжные описания». Но Лесков доказывает, что это и становится первым затруднением, с которым, как правило, сталкивается крестьянин: недостаток сведений о местах, удобных для заселений. Поэтому возникает потребность в ходаках, «взгляды и вкусы которых в той самой мере сходны с понятиями переселенцев, с какой тождественны их общие интересы». Поэтому на аргумент членов комитета он выдвигает свой контраргумент: «Когда у нас появятся ясные, полные, верные и удобопонятные для народа описания открытых для заселения мест, тогда, может быть, народ не станет посылать своих ходоков» [4, с. 60]. Сам же образ «ходака» представляет для начинающего писателя не отдельное социальное явление,

но некий национальный тип. Затем он отразится и в его «очарованном страннике», и «вдохновенном бродяге», которые будут искать истину на больших дорогах, измерять ее не теоретически, а топографически, определять степень доверия не казенной бумагой, а близостью общих крестьянских проблем и бед.

В итоге идея Лескова окажется не только продуктивной, но и очень перспективной. Особое развитие «ходчества» начнет наблюдаться уже в 80–90-е гг. XIX в., когда после открытия Сибирской железной дороги и налаживания движения по воде в путь тронутся беднейшие крестьяне. Тем не менее, несмотря на расширение коммуникативного пространства, кругозора сельских жителей, урало-сибирский регион продолжал ассоциироваться для многих с «каторжным краем», малоизвестным населению европейской части страны.

Но все это будет позже. На данном же этапе Лесков выявляет круг острых, но, в то же время, и вечных проблем, которые получают разработку в его дальнейшем творчестве. Прежде всего, это проблема «русской розни», которая так важна писателю для разгадки судеб народа и отечества. Уже в ранней публицистике он обратит внимание на эту «расколотость» русского общества, выразит свое сочувствие ко всем «вытолкнутым», скитающимся, вырванным из родного корня. В статье «О русском расселении...» писатель поставит вопрос не только о «ходаках», о возможности дать ход коммерческим способам переселения, но и о необходимости немедленного введения нового способа переселения, делая тем самым значительный вклад в разработку проблемы переселенцев. Ставя в своих статьях вопрос о колонизации окраин Российской империи, Лесков, так или иначе, имеет ввиду некое пространство, которое у него пока еще географически не обозначено, тем более, что и переселения совершались в самые разные области России, в том числе на Урал и в Сибирь. Поэтому вполне закономерно, что взгляд писателя обращается туда.

Непосредственно к проблеме осмысления далеких российских окраин Лесков обратится в 1872 г., в связи с рецензией на книгу С. Турбина «Страна изгнания», напечатанной в № 119 от 9 мая в газете «Русский мир» за подписью «Н. Л.» Турбина Лесков считал знатоком народной жизни, особенно быта переселенцев и бродяг, столь интересных и ему.

Ко времени выхода этой рецензии Турбин уже был известен своим исследованием под названием «Сибирь. Краткое землеописание», в котором давались достаточно редкие сведения о переселенцах, уточнялось, что их добровольный прилив из России в Сибирь последовал еще в XVI в., после прикрепления крестьян царем Борисом Годуновым. Смуты и неурядицы, которыми сопровождалась времена самозванцев и семибоярщины, также загнали в Сибирь много народа. Против добровольных переселенцев-самоходов были приняты самые строгие меры, но они не остановили общей тенденции. Давая подробный обзор географическому, экономическому и социальному состоянию Сибири на период середины XIX в., Турбин делает пророческий вывод: «Вообще, можно сказать, что Сибири предстоит богатая будущность. Малолюдые настоящего времени есть недостаток легко и скоро поправимый: новой земли не прибавится, а новых людей прибудет» [5, с. 142].

Свою следующую книгу, «Страна изгнания», писатель опубликовал сначала в виде очерков в «Санкт-Петербургских ведомостях» в 1863–1864 гг., и только в 1872 г. она выходит отдельной книгой, на которую Лесков и дает рецензию. Полное ее название – «Страна изгнания и исчезнувшие люди. Сибирские очерки» С. Турбина и Старожила. Характерен уже сам уровень номинации, в которой заявлена устойчивая формула Сибири как «страны». И чем больше она открывалась русскому европейцу как «страна», тем более мифологизировалась.

Тем не менее для самого Турбина пространства эти еще не несли каких-то важных символических нагрузок. Автор-путешественник имеет иную, вполне конкретную цель: описать трудности своего пути, рассказать о виденном, слышанном, пережитом. Первая часть его пути, от Осы до Тюмени, связана с описанием путешествия по Волге и Каме на пароходе и дальнейшей сменой пути, когда ямщики убеждают путешественника ехать далее не в сторону Перми по воде, а к Екатеринбург на «вольных». Имея целью не просто добраться до Сибири, но пронаблюдать все по пути, автор, таким образом, меняет свой изначально намеченный маршрут. Теперь по его пути следуют различные уральские деревни: Барма, Медное, Ялым, Ачит. Будут здесь и значимые встречи с башкирами, татарами, черемисами, раскольниками-кержаками, бродягами. Но конечной точкой первой части пути несомненно станет Екатеринбург, который «показывается верст за десять и издали кажется очень красивым городом, впрочем он недурен и вблизи... Казенная, или точнее сказать, казарменная архитектура в Екатеринбурге преобладает, но немало также строений с колонами, фронтонами, выступными фонарями и тому подобными затеями, на которые так падки люди, случайно и скоро обогатившиеся. Щегольские экипажи, блестящие и ценные уборы женщин резко бросятся в глаза каждому новому приезжему...» [6, с. 26–27].

Описывая в следующей главе дальнейший путь до Тюмени, Турбин отчетливо фиксирует то пространство, где Приуралье сменяется на Зауралье и начинается собственно Сибирь. Размышления эти достигнут его за городом Камышловым: «Первое впечатление, производимое Сибирью на человека ново, невыразимо тяжело и грустно. Я слышал и вполне верю, что при вступлении арестантских партий в пределы Тобольской губернии, прощаясь с Россией, плачут навзрыд не только женщины, но даже и мужчины. То же случается и с поселенцами, идущими по своей воле» [6, с. 31]. Говоря же о специфике населения, автор уточняет, что по сибирским народным понятиям род человеческий делится на два разряда: на людей и чиновников. Сами же люди бывают здешние, то есть сибирские, старожилы, и «расейские», которые «не в пример хуже сибирских». Они, в свою очередь, подразделяются на поселенцев или посельщиков, то есть сосланных сюда по решению судебных мест, и на переселенцев, иначе новоселов или самоходов, то есть пришедших в Сибирь по своей воле.

Возвращаясь же к рецензии Лескова, уточним, что он касается лишь очерков Турбина, имеющих подзаголовок «От Осы до Иркутска». Упомянутые в его тексте встречи с бродягой и переселенцами приводятся в очерке «От Тюмени до Томска». В своей рецензии писатель не стремится к постановке каких-либо глобальных проблем, что вообще не свойственно его методу. Но, сказав в начале несколько слов о самом авторе, он обращает внимание на разнообразные картинки с натуры, крайне его заинтересовавшие: встречи с каторжным бродягой, со ссыльным поляком и с добровольными переселенцами. Его привлекают, прежде всего, типажи со своим неповторимым лицом, со своей судьбой, с особой национальной психологией изгойничества и бродяжничества. В современных условиях они являют для него новый социально-экономический вариант паломничества на Урал и в Сибирь.

Общий же вывод Лескова неутешителен: под властью обстоятельств, в заботе о хлебе насущном эти поиски, кружения, тоска по родине постепенно притупляются, «и переселенец становится старожилом, а потом и туземцем, которого новые пришельцы, в свою очередь, станут дразнить *чалдоном*, а он их считать *необразованными мужиками*». Вместе с тем, неся веру в «средне-свободного труженика», умеренного работника, сознающего закон и долг, писатель даст еще одно точное определение переселенцам, назвав их «*пионерами* русской цивилизации в Сибири» [4, с. 202].

Касается он и другой стороны, связанной с насильственным переселением крестьян, но теперь уже в связи с религиозными разногласиями. Его статья «Несколько слов по поводу записки высокопреосвященного митрополита Арсения о духоборских и других сектах» была опубликована в газете «Гражданин» в апреле 1875 г. Рассуждения писателя в ней во многом смыкаются с проблемами, которые разрабатывает в это время известный писатель и этнограф С. В. Максимов в своих исследованиях, находящихся в активном круге чтения Лескова: «На Востоке. Поездка на Амур» (СПб., 1864), «Год на Севере» (СПб., 1864), «Сибирь и каторга» (СПб., 1871).

Крайне интересными представляются и рассуждения Лескова о месте, которое можно приготовить для ссыльных сектантов: «Место это должно быть очень пространно, потому что у нас сектантов много, а при усилении гонения на них число их, конечно, еще более увеличится, ибо народ наш и на сей раз не изменит своего убеждения, что “не та истинная вера, которая мучит, а та, которую мучат...” Где же оно? В середине государства такого места не выберешь: здесь и так все уже заселено, да и притом тут неудобно надзирать за общением сектантов с несектантами. Иначе пришлось бы закрыть проезжие дороги и оцепить границу ссыльного места кордоном. Надо поискать просторное место для сектантов по окраинам» [4, с. 209]. Развивая свою мысль, писатель, так или иначе, выходит на проблему культурного пространства, где опять мерцают своими заснеженными горизонтами Урал и Сибирь.

Как видим, «идея места» (по выражению Д. С. Лихачева), развивающаяся в творческом сознании Лескова, все более воплощается в некую образную систему. Он, прекрасный знаток русских крестьянских и религиозно-сектантских движений, внимательно присматривается к топографии их перемещений. Поэтому не раз Сибирь становится для него своеобразным знаком, символом-сигналом «земли обетованной», куда бредут все гонимые и страждущие в поисках «потерянного рая». Не случайно в этом же, 1875 году им будет создан один из самых ярких и принципиальных для выявления специфики его мировоззрения рассказ – «На краю света». Сама же лесковская формула, при которой его герои окажутся на «краю», но «света», задала проблему амбивалентности сибирского хронотопа, уже тщательно разрабатывавшегося литературой и культурой последней трети XIX в.

Новым витком в осмыслении переселенческого вопроса станет его рассказ-очерк 1893 г. «Продукт природы». В своем позднем творчестве Лесков не раз обращался к фактам ужасающего состояния русского крестьянства. В повести «Юдоль» он показал страшные картины голода на орловщине. В основу рассказа «Импровизаторы» легли впечатления от холерной эпидемии, распространившейся в средней полосе России летом 1892 г. Здесь же создан потрясающий по своей ужасающей правде образ «порционного мужика». В рассказе «Загон» писатель создает символический образ загона, в котором находится русский мужик. Не случайно произведение это получило одобрение со стороны Л. Н. Толстого, который отметил, как главное достоинство, опору писателя на правду, а не на вымысел. Подобный метод становится определяющим именно в позднем творчестве писателя. Для него характерна сопряженность реальности и вымысла, документального и художественного начал. Как бы стирая грань между творчеством и жизнью, Лесков помещает себя, реального писателя, в пространство своих текстов, вновь обращаясь к отработанным моделям и удостоверяя их актуальность.

Рассказ «Продукт природы» был вызван вниманием прессы к бедственному положению крестьян-переселенцев. Ближайшим поводом для его написания стало заседание Петербургского общества для вспомоществования переселенцам

14 марта 1893 г. Сборник «Путь-дорога», где впервые был напечатан рассказ, носил не только научно-художественный характер, но, прежде всего, был создан в поддержку нуждающимся переселенцам. Вскоре, в августе 1893 г., на него появилась рецензия в журнале «Русская мысль».

Автор «Библиографического отдела», после ряда отмеченных статей (Н. М. Ядринцева, Я. А. Абрамова, А. А. Кауфмана), отдельно выделяет рассказ Лескова. Он подчеркивает, что писатель вспоминает о виденных им переселениях совсем особого рода, существовавших еще при крепостном праве, когда богатые помещики приобретали дешевые и пустынные земли в Заволжье, а в густонаселенных губерниях, Курской и Орловской, накупали крестьян «на свод» у мелкопоместных дворян и переселяли этот «продукт природы» в свои далекие поместья. Но современная Лескову критика, как и во многих других случаях, ограничилась лишь подтверждением правдивости рассказа и самым общим суждением о силе его эмоционального воздействия на читателя: «Г. Лесков описывает очень просто лишь то, чему свидетелем был тридцать пять лет назад, и от этого простого повествования жутко становится, страшно за переселяемых и стыдно за переселяющих <...> Теперь переселенца гонит не чужой произвол, а собственная нужда, и потому нравственно ему легче, конечно, физически же, наверное, тяжелее, хотя, кажется, трудно себе представить более ужасное положение людей, чем то, какое описано г. Лесковым. В том же, что рассказана им только правда, сомневаться нельзя» [7, с. 354].

Публикация рассказа в специальном благотворительном сборнике, посвященном крестьянам-переселенцам, было свидетельством того, что писатель осуждал не только прошлое, но и современное неустройство переселенческих дел, поэтому принципиальным в повествовании становится сопряжение двух временных пластов, выделенное И. В. Столяровой: «Обобщение в рассказе носит не столько конкретный, сколько общенациональный характер и захватывает не только дореформенную эпоху русской жизни, к которой восходит описываемый эпизод, но и новую эпоху, в условиях которой был написан рассказ» [8, с. 91]. Очевидно, что писатель не стал бы на склоне лет упорно возвращаться к событиям полувековой давности, если бы видел какие-то существенные изменения в жизни народа и уровне его самосознания. Он подчеркивает, что с тех пор изменилось очень многое, но не все изменилось к лучшему для отправляющихся на «новые места». А что при этом приходилось выносить русскому крестьянину, «продукту природы», он и демонстрирует с потрясающей точностью. Как всегда, у Лескова в изображении народного характера «всего наполовину»: темноты, забитости, но и простодушной наивности русского человека; стихийности в поведении толпы, но и детской веры в добро; отчаянного бунта, но и обнаружения непребродивших молодых сил.

Эта «правда» вела и к тому, что рассказ «Продукт природы» часто называли очерком, что представляется принципиальным для выявления специфики его поэтики. На протяжении всего творческого пути писатель тяготел к малым литературным формам и промежуточным жанрам: рассказу, очерку, статье. Жанровые признаки очерка наличествуют во многих произведениях Лескова. Как и у любого очеркиста, фактический материал у него не только художественно обрабатывается, но и публицистически осмысливается. Тем не менее, эта пограничная составляющая художественного и публицистического письма особенного разовьется в позднем творчестве писателя. Сочетание образа и публицистики становится теперь не только принципиальным, но и более органичным, так как все его творчество пронизано «злобами дня», но есть и постоянная склонность к смешанным жанрам, таким как «заметки по поводу», «письма», «были», «отрывки», «случаи», «апокрифы», «картинки».

В итоге очерковая литература становится ближе позднему Лескову своим более разнообразным и познавательным полем. Но при всем тяготении к публицистике, дававшей возможность непосредственного проявления его полемическому таланту, в главных своих произведениях он выступает как писатель, открывший новые возможности собственно художественного исследования народной жизни. Вот и в данном произведении, где он затрагивает более чем злободневную проблему русских переселенцев, мы видим эту тонкую грань. Очевидно, что Лесков не просто фиксирует ужасающие факты действительности, но идет к художественному обобщению, характеризуя сущность русского народного типа. Неизбежно встающая перед писателем проблема национального характера и обстоятельств получает в итоге глубокое художественное решение.

Список литературы

1. Лесков Н. С. Собр. соч.: В 12 т. М., 1989. Т. 12.
2. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1892.
3. Смирнов И. П. Странничество и скитальчество в русской культуре // Звезда. 2005. № 5.
4. Н. Лесков. Честное слово / Сост., подготовка текста, вступ. ст. и коммент. Л. А. Аннинского. М., 1988.
5. Турбин С. Сибирь. Краткое землеописание. СПб., 1871.
6. Страна изгнания и исчезнувшие люди. Сибирские очерки С. Турбина и Старожила. СПб., 1872.
7. Русская мысль. 1893. № 8.
8. Столярова И. В. Н. С. Лесков и Г. И. Успенский // Русская литература. 1974. № 3.

Е. А. Makarova

Tomsk, Russian Federation

A PLOT ABOUT FRONTIERSMEN IN CREATIVE WORK OF N. S. LESKOV

In the article a plot about frontiersmen and creation of an image of Siberia, which were being formed in creative work of Leskov during all his creative period, are analyzed. The facts themselves resulted in the merging of factual and artistic sides, and this became the main feature of the author's poetic manner, which also included short literary forms and intermediate genres: feature article, sketch, essay. As a result, the facts were not only creatively adapted, but also publicistically interpreted and deeply generalized.

Keywords: discourse about frontiersmen, an image of Siberia, factual and artistic, feature article, sketch.

Makarova Elena A. – PhD in philology, docent at the department of general literature study, publishing and editing in The Federal State Government-financed Organization of the Higher Vocational Training «National Research Tomsk State University» (Lenin prospect, 36, Tomsk, 634050, Russian Federation; elena_mak2004@mail.ru; +7 906 948 75 24)